

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2713-2811.2022.17.2.009

Вызовы, стоящие перед уголовным правом в связи с развитием инновационной деятельности

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕКРАСОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются сущность, содержание и направления изменений, вызванных достижениями науки и техники; особенности современного внедрения результатов инновационной деятельности в общественную жизнь; проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с достижениями науки и техники. Автор приходит к выводу о том, что в современных условиях, связанных с динамичным развитием инновационной деятельности в целом и отдельных ее направлений, законодателю следует выработать устойчивые принципы и модели, восполняющие неизбежно появляющиеся пробелы в уголовном законодательстве. Одним из возможных способов обеспечения оперативности принимаемых решений, соблюдения принципа неотвратимости ответственности является допустимость применения аналогии уголовного закона.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовное право; инновация; инновационная деятельность.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Некрасов В. Н. Вызовы, стоящие перед уголовным правом в связи с развитием инновационной деятельности // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2022. № 2 (17). С. 85–95. doi: 10.46741/2713-2811.2022.17.2.009.

Original article

Challenges that Criminal Law Faces due to Innovative Activity Development

VASILII N. NEKRASOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

A b s t r a c t . The article examines the essence, content and directions of changes caused by advances in science and technology; features of modern implementation of innovative activity results of in public life; problems of criminal law regulation of

public relations related to achievements of science and technology. The author comes to the conclusion that in modern conditions associated with the dynamic development of innovation activity in general and its certain areas, the legislator should develop sustainable principles and models that fill the inevitably emerging gaps in criminal legislation. One of the possible ways to ensure the promptness of decisions taken and comply with the principle of inevitable responsibility is the permissibility to apply analogy in the criminal law.

Key words: criminal law; innovation; innovative activity.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Nekrasov V.N. Challenges that criminal law faces due to innovative activity development. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2022, no. 2 (17), pp. 85–95. doi: 10.46741/2713-2811.2022.17.2.009.

В последнее время все четче прослеживается тенденция на стремительное развитие и обновление практически всех сфер общественной жизни. В результате этого человечество находится в состоянии непрекращающегося динамизма, потребления все новых трендов и нововведений. Достижения в различных областях и ускоренное их внедрение в жизнь конкретного человека становятся нормой жизни. Так, сегодня вполне обыденным является появление в кафе и ресторанах роботизированных устройств в качестве официантов (администраторов) или поездка на автомобиле с автопилотом. Нельзя не согласиться, что подобное было сложно представить даже несколько лет назад. Вместе с тем результаты, которые принесло развитие инновационной сферы, не всегда связаны с позитивными аспектами. Нередко они приводят к нарушению прав и свобод человека, росту преступности, а также иным проявлениям, к которым общество не готово (пример тому – пандемия, вызванная вирусом COVID-19).

В данной статье автор обращает внимание на ряд вопросов: 1) сущность, содержание и направления изменений, вызванных достижениями науки и техники; 2) особенности внедрения результатов инновационной деятельности в общественную жизнь; 3) проблемы правового и, прежде всего, уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с достижениями науки и техники. Нужно отметить, что все перечисленные вопросы находятся в тесной взаимосвязи и в конечном итоге влияют на успешность и эффективность инновационной деятельности.

1. Нововведения и достижения в области науки и техники еще несколько лет назад активно связывались с понятием «инновация», которое широко использовалось в различных сферах жизни, в том числе и политической. Так, например, 5 ноября 2008 г. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации отметил, что «наши действия в экономике будут базироваться на уже заявленной концепции четырех “И” – институты, инвестиции, инфраструктура, инновации» [6]. Чуть позже вышла статья Д. А. Медведева «Интеграция – в целях развития,

инновации – в интересах процветания» [8]. Неудивительно, что после признания инноваций в качестве приоритетного направления развития экономики и общественной жизни началось активное законотворчество в данной сфере. В качестве примера можно привести утвержденную Правительством Российской Федерации 8 декабря 2011 г. Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.

В настоящее время курс на инновационное развитие заменен ориентиром на цифровизацию и развитие искусственного интеллекта. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что по истечении срока реализации указанной Стратегии так и не был разработан и принят стратегический документ на новый плановый период. Вместе с тем Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., а Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 принята Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Более того, все чаще стали появляться сообщения, что цифровизация пришла на смену инновации и модернизации [1].

Исходя из сказанного, необходимо отметить, что такая быстрая смена трендов не только не позволяет достичь заявленных целей, но и проводит к хаосу в правовом регулировании инновационного развития. Так, в частности, законодатель еще не успел разобраться с содержанием категорий «инновация», «инновационная деятельность», как на смену им приходят новые, не всегда понятные.

Подтверждением несогласованности нормативно-правовых актов в сфере инновационной деятельности является анализ Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ). Так, в ч. 2 ст. 67 говорится о том, что основанием предоставления инвестиционного налогового кредита является осуществление организацией внедренческой или инновационной деятельности, в том числе создание новых или совершенствование применяемых технологий, создание новых видов сырья или материалов. Получается, что законодатель, не разделяя, рассматривает как самостоятельные и различные такие виды деятельности, как внедренческая и инновационная. Однако в письме Инновационного совета при Совмине РСФСР от 19.04.1991 № 14-448, Минфина РСФСР от 14.05.1991 № 16/135В «Об инновационных (внедренческих) сферах деятельности» инновационная деятельность и внедренческая деятельность выступают как синонимы. Такой вывод можно сделать из анализа следующего положения: «инновационной (внедренческой) считается деятельность по созданию и использованию интеллектуального продукта, доведению новых оригинальных идей до реализации их в виде готового товара на рынке».

В ст. 284 НК РФ используется словосочетание «ценные бумаги высокотехнологического (инновационного) сектора экономики». Таким образом, авторы НК РФ как синонимичные рассматривают высокотехнологическую и инновационную сферы деятельности. Примечательно, что в Постановлении Правительства Российской Федерации от 26.08.1995 № 827 (ред. от 10.07.1998) «О Федеральном фонде производственных инноваций» инновационная деятель-

ность рассматривается как подготовка и освоение производства принципиально новых видов продукции и технологий.

Вышеперечисленными примерами не ограничиваются разночтения в использовании понятий, связанных с инновациями в различных нормативно-правовых актах, что свидетельствует о терминологическом хаосе, сложившемся в правовой системе указанной сферы. К сожалению, сегодня существует обилие нормативно-правовых актов, рекомендаций в сфере инновационной деятельности, которые не только не согласованы, но в ряде случаев содержат противоречащие друг другу положения. Это приводит к тому, что законодательство в сфере инновационной деятельности до настоящего времени не структурировано, в результате чего нормативно-правовые акты в указанной области не согласованы между собой.

Несмотря на это, законодатель, отбросив в сторону сомнения и промахи в правовом регулировании понятий «инновация» и «инновационная деятельность», начал поспешно, но активно вводить в правовой оборот все новые смежные термины, например «цифровизация» и «искусственный интеллект». В результате это привело к формулированию положений, с которыми сложно согласиться. В частности, в Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» инновация определяется как введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях. Несмотря на все имеющиеся в научной литературе критические замечания относительно отмеченного термина, законодатель, не реагируя на них, вводит в правовое поле тесно связанные с ним термины.

Как ни странно, нам не удалось обнаружить случаев закрепления на уровне федерального законодательства понятия «цифровизация». Зато в изобилии в нормативно-правовых актах используются смежные с ним понятия: «цифровая среда», «цифровая экономика», «цифровые инновации» и т. п. Так, например, в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» цифровые инновации – это новые или существенно улучшенные продукты (товар, *работа*, услуга, *охраняемый результат интеллектуальной деятельности*) или процессы, новые методы продаж или организационные методы в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, *введенные* в употребление, созданные или используемые по направлениям, предусмотренным ч. 2 ст. 1 указанного закона.

Сравнение понятий «инновация» (Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике») и «цифровая инновация» (Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации») позволяет сделать ряд умозаключений. В частности, несмотря на то, что разница между принятием указанных законов составляет 14 лет, анализируемые понятия во многом дублируют друг друга. Более того, термин «цифровая инновация» отражен без какой-либо специфики применительно

к тому, что это не просто инновация, а специфический ее вид, связанный с цифровой составляющей. По нашему мнению, причина этого кроется в отсутствии официально закрепленной на федеральном уровне родовой дефиниции «цифровизация».

Странным является и то, что применительно к цифровым инновациям законодатель уточняет, что продуктом такой деятельности могут быть работы, а также охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. В этой связи возникает вопрос: что побудило законодателя в специальной норме (цифровая инновация) ввести положение, не соответствующее общей норме (инновация)? Кроме того, сконструированная при помощи казуистического приема законодательной техники норма о цифровой инновации позволяет отнести к таким результатам *четко ограниченный* перечень продуктов: товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности. Это, в свою очередь, исходя из формального толкования отмеченной нормы, не позволяет признать цифровой инновацией, например, новую прорывную *технологию*.

Весьма важным является и замечание, в соответствии с которым перечисление через запятую таких продуктов, как товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности, свидетельствует о самостоятельном статусе отмеченных терминов, что позволяет сделать вывод о том, что товар может быть признан цифровой инновацией только в том случае, если он не является охраняемым результатом интеллектуальной деятельности. Более того, наличие союза «или» между терминами «продукт» и «процесс» свидетельствует о невозможности понимания под рассматриваемым понятием продукта, сочетающего в себе одновременно и *результат*, и *процесс*.

Наконец, заметим, что в понятиях «инновация» и «цифровая инновация» отсутствует указание на то, что в результате их применения повышается эффективность деятельности. Кстати, на это обращено внимание в другом смежном с рассматриваемыми терминами понятии «цифровая экономика». Согласно Указу Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют *существенно повысить эффективность* различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. Логично, что любая инновация, в том числе цифровая, должна быть рассчитана на повышение эффективности от ее применения. Если говорить о предприятии, то должны увеличиваться прибыль организации и, самое главное, окупаться затраты на изготовление и внедрение новшества.

Подводя итог, следует отметить, что в Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» право-творцем недостаточно точно приводятся понятия «инновация» и «инновационная деятельность», сущность которых раскрывается преимущественно с экономических позиций и подчинена законам получения прибыли. Такая си-

туация способствует введению в правовое поле понятий, которые в ряде случаев дублируют друг друга, используются как синонимы и не имеют видимого практического значения. Это является следствием недопонимания правоохранительными органами содержания и особенностей инноваций и инновационной деятельности и в результате сказывается на эффективности ее уголовно-правового обеспечения.

В этой связи законодателю, прежде чем вводить в правовой оборот новые термины, следует определиться с содержанием родовой нормы. По нашему мнению, инновации являются родовым понятием применительно к цифровым инновациям, цифровизации, робототехнике, искусственному интеллекту, так как представляют собой направления инновационной деятельности. Исходя из этого вначале следует привести в порядок нормативно-правовые акты в сфере инноваций, в частности приняв базовый закон «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», и только после этого в едином русле включать в законодательство новые термины в данной сфере.

2. Рассматривая вопрос об особенностях современной инновационной деятельности, нельзя не затронуть проблему внедрения инноваций и иных результатов такой деятельности. Традиционно процесс внедрения любой разработки состоял из нескольких следующих друг за другом циклов. Обобщенно данная модель может быть представлена таким образом: получение заказа на разработку – проведение исследования – получение результата (разработки) – апробация – внедрение в производство (рыночная реализация). Необходимо обратить внимание, что сегодня эта модель приобретает новые черты. В частности, в ряде случаев в разы ускоряется процесс внедрения до конечного потребителя инноваций и иных результатов инновационной деятельности. Так, например, если срок от разработки до внедрения обычно-го состава вакцины может занять от 10 до 15 лет, то вакцина от COVID-19 дошла до пациента ориентировочно через 18 мес.

Кроме того, появляются результаты, которые не проходят все циклы отмеченной модели, например апробацию. В качестве примера можно привести ранее упомянутый Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который позволяет установить экспериментальный правовой режим в течение определенного периода времени специального регулирования по направлениям *разработки, апробации и внедрения* цифровых инноваций.

Отмеченную тенденцию следует учитывать в рамках правового обеспечения инновационной деятельности. Вместе с тем уже сегодня законодатель не всегда следует этому правилу. Так, в ранее отмеченной норме, посвященной цифровой инновации, указывалось, что она представляет собой продукт, введенный в употребление, созданный или используемый. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что законодатель располагает указанные понятия без учета этапов технологического процесса, поскольку логично, что инновация не может сначала быть внедрена, а только после этого создана. Более того, странным является использование в равнозначном статусе терминов

«введенный» и «используемый», так как они являются синонимами. Причем на этом основании к цифровым инновационным продуктам нельзя отнести формирование *промежуточных новшеств*, например инновационной среды, способствующей созданию условий для появления цифровой инновации.

3. Обозначенные в первых двух пунктах проблемы оказывают существенное влияние на правовое регулирование сферы инновационной деятельности. Вместе с тем нужно отметить, что отдельные отрасли права быстрее подстраиваются под нынешние реалии, некоторые – с опозданием. Традиционно одной из наиболее статичных отраслей права является уголовное право. В этой связи мы более подробно рассмотрим указанные проблемы именно применительно к данной отрасли.

Несовершенство базовых первичных правовых норм, посвященных инновациям и инновационной деятельности, не только не позволяет верно определять содержание и направления инновационной деятельности, но и ведет к неудачам в правовом регулировании данной сферы в уголовном законодательстве. Приведем пример изменений ст. 158 УК РФ. Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ч. 3 ст. 158 УК РФ дополнена п. «г», положениями которого устанавливается уголовная ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ).

Анализ санкции данной статьи вызывает недоумение. Так, например, в соответствии с действующим законодательством кража 2 тыс. руб. преступлением не считается. В то же время кража 200 тыс. руб., как правило, квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кража с причинением значительного ущерба гражданину. За совершение данного преступления, относящегося к категории средней тяжести, может быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. В то же время кража тех же 2 тыс. руб. с банковской карты квалифицируется по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что относится уже к категории тяжких преступлений, и максимальное наказание составляет до 6 лет лишения свободы. Более того, кража 200 тыс. руб. является преступлением средней тяжести, и уголовное дело можно прекратить в соответствии со ст. 76 УК РФ в связи с примирением сторон. Кража же 2 тыс. руб. с банковской карты выступает тяжким преступлением, поэтому о прекращении уголовного дела по ст. 76 УК РФ говорить не приходится.

Внесенные изменения, видимо, обусловлены защитой экономической стабильности государства, общества и личности, но они должны соответствовать принципу справедливости. В этой связи мы считаем необходимым изменить категорию преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, с тяжкого на средней тяжести.

Кроме того, непостоянен законодатель и в использовании в УК РФ терминологии, связанной с инновационной деятельностью. Так, если в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ идет речь о краже с банковского счета, а равно в отношении *электронных денежных средств*, то при конструировании ст. 159.3 УК РФ законодателем использовано понятие «*электронные средства платежа*».

Следующая проблема, которую хотелось бы затронуть, связана с динамизмом внедрения результатов инновационной деятельности в общественную жизнь. К сожалению, далеко не всегда законодатель готов к тем изменениям, которые происходят в инновационной сфере. В то же время в связи с особенностями процесса законотворчества и внесения изменений в законодательные акты бесценное время может быть упущено. Именно поэтому одной из задач законодателя является разработка и прогнозирование норм, содержащих устойчивые конструкции и модели поведения под меняющиеся реалии. Таковыми в уголовном праве являются принципы. Одним из основных является принцип законности (ст. 3 УК РФ), согласно которому «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Представляется, что указанный принцип с учетом динамизма современной инновационной сферы также следует понимать с рядом оговорок. Законодатель в УК РФ от УК РСФСР закрепил, что применение уголовного закона по аналогии не допускается, но, к сожалению, в ст. 3 УК РФ не раскрыл, что необходимо понимать под аналогией уголовного закона. В этой связи появилось значительное число противников аналогии в юридической литературе [9, с. 94].

По нашему мнению, принцип аналогии закона следует рассматривать сквозь призму ряда важных уточнений. Во-первых, не стоит относиться отрицательно и понимать рассматриваемый принцип исключительно с точки зрения соответствия принципу *nullum crimen sine lege*. Да, действительно, аналогия уголовного закона в случае признания непроступного деяния преступным должна оставаться непоколебимой. Вместе с тем аналогия уголовного закона не исчерпывается только указанным принципом (*nullum crimen sine lege*) и является гораздо более широкой по своему содержанию и сфере применения. Так, например, запрет аналогии в ст. 3 УК РФ не позволяет применять схожую норму, даже если это улучшает положение или влечет освобождение лица от уголовной ответственности. Известный пример с примечанием к ст. 291 УК РФ, где речь идет о случаях освобождения от ответственности лица, давшего взятку, или, иными словами, исполнителя, но не урегулированы действия, совершенные пособником.

Нужно отметить, что, в отличие от уголовного законодательства, аналогия закона прямо предусмотрена некоторыми действующими законодательными актами России. Так, в п. 1 ст. 6 ГК РФ установлено, что в случаях, когда предусмотрены п. 1 и 2 ст. 2 ГК РФ отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона).

Во-вторых, существование аналогии связано с пробелами в законодательстве, реагируя на которые законодатель в ряде случаев, так сказать, нелегально допускает отклонения от принципа, закрепленного в ч. 2 ст. 3 УК

РФ. В этой связи мы разделяем позицию М. А. Кауфмана, который указывает, что аналогия не исчезла из практики применения уголовного закона и после ее отмены, а лишь обрела скрытые формы, умело маскируясь. Применение аналогии в уголовном праве как способ преодоления пробелов на основе усмотрения правоприменителя есть мера нежелательная, но вынужденная. Запрет на применение аналогии должен касаться только применения уголовного закона в отношении деяний, прямо не предусмотренных УК РФ [5, с. 292, 267–268].

В качестве примера приведем случаи совершения преступлений с использованием или в отношении цифровых финансовых активов. Даже сегодня спустя несколько лет после появления криптовалюты и цифровые деньги понимаются крайне по-разному – от признания их синонимичными электронным деньгам до выделения в качестве товара, имущества, денежного средства [2; 3, с. 48; 4]. Причиной этого является неурегулированность данной проблемы в законодательстве. В этой связи возникает вопрос: можно ли в случае совершения преступлений с данными объектами использовать по аналогии сходные нормы и признавать криптовалюту и цифровые деньги в качестве имущества? Исходя из формального толкования ч. 2 ст. 3 УК РФ нет. Вместе с тем криптовалюта, как и цифровые деньги, представляет собой, по сути, имущество. Косвенно это подтверждается внесением соответствующих изменений в ст. 128 ГК РФ, где в качестве объекта гражданских прав признаются цифровые права. Более того, изначально в законопроект «О цифровых правах» были включены положения о цифровых деньгах (криптовалюте), которыми могла признаваться не удостоверяющая право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных. Кроме того, как следует из Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017, криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество.

В-третьих, и законодатель, и правоприменитель, несмотря на положения ч. 2 ст. 3 УК РФ, используют аналогию. Такой вывод можно сделать из анализа ч. 1 ст. 228 УК РФ, где при конструировании нормы используется словосочетание «незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов».

Другой пример. Заводский районный суд города Кемерово Кемеровской области оправдал гражданина Новоселова В. Г., отметив, что «если размер упущенной выгоды, якобы не полученной потерпевшими в результате инкриминированного подсудимому преступления, представить в виде недополученной ими заработной платы в <данные изъяты>, то, исходя из представленных потерпевшей стороной расчетов (т. 6 л.д. 242), сумма, подлежащая к выплате на руки на всех работников <данные изъяты> при продаже указанным Обществом 35-ти светильников, составила бы 74.857,97 рублей, то есть не превышала бы 100.000 рублей (совокупные требования ст. 147 ч. 1 УК РФ и примечания к ст. 146 УК РФ), таким образом, не образовывала бы крупный ущерб» [7]. Иными словами, суд для устранения пробела, связанного с отсут-

ствием в ст. 147 УК РФ указания на размер крупного ущерба, применяет по аналогии положения, закрепленные в примечании к ст. 146 УК РФ.

В современных реалиях, связанных с динамичным развитием инновационной деятельности в целом и отдельных ее направлений в частности, ускоренным внедрением инноваций, требуется своевременное реагирование уголовного законодательства на возникающие вызовы. В этих условиях законодателю следует выработать устойчивые принципы и модели, восполняющие неизбежно появляющиеся пробелы в уголовном законодательстве. Одним из возможных способов обеспечения оперативности принимаемых решений, соблюдения принципа неотвратимости ответственности является допустимость использования аналогии уголовного закона. В этой связи в ч. 2 ст. 3 УК РФ следует внести изменения, допускающие возможность применения уголовного закона по аналогии в исключительных случаях, когда положение лица от применения аналогии улучшается или отдельные вопросы, необходимые для решения дела по существу, не урегулированы. Применение аналогии уголовного закона не должно допускаться в случае признания прежде непроступного поведения преступным, а также в случае прямого противоречия с нормами уголовного закона и нарушения прав и законных интересов личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкатова, А. Была модернизация – стала цифровизация / Анастасия Башкатова // Независимая газета : сайт. – URL: https://www.ng.ru/economics/2019-10-13/1_7700_syfra.html (дата обращения: 01.05.2022).
2. Бондаренко, Д. Д. Виртуальные валюты: сущность и борьба с их использованием в преступных целях (на примере США) / Д. Д. Бондаренко // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2015. – № 6. – С. 23–25.
3. Есаков, Г. А. Денежные суррогаты и ответственность за хищение / Г. А. Есаков // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 48–53.
4. Землюков, С. В. Правовой статус криптовалюты в уголовном праве / С. В. Землюков, А. А. Коренная // Известия АлтГУ. Юридические науки. – 2018. – № 3 (101). – С. 47–53.
5. Кауфман, М. А. Проблемы в уголовном праве и судебское усмотрение / М. А. Кауфман. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 342 с. – ISBN 978-5-93295-590-1.
6. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России : сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/1968> (дата обращения: 01.05.2022).
7. Приговор № 1-33/2018 1-6/2019 1-789/2017 от 9 апреля 2019 г. по делу № 1-33/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vteheejrSn60/> (дата обращения: 01.05.2022).
8. Статья Дмитрия Медведева «Интеграция – в целях развития, инновации – в интересах процветания» // Президент России : сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/14392> (дата обращения: 01.05.2022).
9. Шаргородский, М. Д. Избранные работы по уголовному праву / М. Д. Шаргородский ; составитель Б. В. Волженкина. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 434 с.

REFERENCES

1. Bashkatova A. There had been modernization, there became digitalization. *Nezavisimaya gazeta: sait* [Independent Newspaper: website]. Available at: https://www.ng.ru/economics/2019-10-13/1_7700_cyfra.html (In Russ.). (Accessed May 1, 2022).
2. Bondarenko D.D. Virtual currencies: their essence and struggle against their use for criminal purposes (by example of U.S.A.). *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya=International Criminal Law and International Justice*, 2015, no. 6, pp. 23–25. (In Russ.).
3. Esakov G.A. D Monetary surrogates and responsibility for embezzlement. *Ugovnoe parvo=Criminal Law*, 2015, no. 1, pp. 48–53. (In Russ.).
4. Zemlyukov S.V., Korennaya A.A. The legal status of crypto-currencies in criminal law. *Izvestiya AltGU. Yuridicheskie nauki=Izvestiya of Altai State University. Legal Sciences*, 2018, no. 3 (101), pp. 47–53. (In Russ.).
5. Kaufman M.A. *Problemy v ugovnom prave i sudeiskoe usmotrenie* [Problems in criminal law and judicial discretion]. Moscow: Yurlitinform, 2009. 342 p. ISBN 978-5-93295-590-1.
6. Message to the Federal Assembly of the Russian Federation. *Prezident Rossii: sait* [President of Russia: website]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/1968> (In Russ.). (Accessed May 1, 2022).
7. Sentence No. 1-33/2018 1-6/2019 1-789/2017 of April 9, 2019 in case No. 1-33/2018. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/vteheejrSn60/> (In Russ.). (Accessed May 1, 2022).
8. Dmitry Medvedev's article "Integration – for development, innovation – for prosperity". *Prezident Rossii: sait* [President of Russia: website]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/14392> (In Russ.). (Accessed May 1, 2022).
9. Shargorodskii M.D. *Izbrannye raboty po ugovnomu pravu* [Selected works on criminal law]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. 434 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕКРАСОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

VASILII N. NEKRASOV – Candidate of Sciences (Law), associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

Статья поступила 05.05.2022